

Сов. культура, 1963, 30 мая

ТОРЖЕСТВО ТАНЦА

СТАРЫЙ «Дон-Кихот» Минкуса, которого постоянно и справедливо обвиняют в легковесности, стал за последнее время одним из самых популярных спектаклей Большого театра. Не музыкой — она действительно очень далека от тех требований, которые мы предъявляем композиторам сейчас. И, конечно, не либретто. Секрет «омоложения» балета «Дон-Кихот» — в новых именах актеров, появившихся на его афише, и в возврате к нему танцовщиков, достигших расцвета своего мастерства. Совсем недавно здесь покорила зрителей блестящей техникой Людмила Богомолова. Не прошло и года после ошеломляющего дебюта В. Васильева. А на днях к мифам о завоевании прекрасной Дульцинеи на балетной сцене добавился спектакль с участием Майи Плисецкой. Она не танцевала Китри около семи лет, перед этим спектаклем два месяца готовила роль в репетиционных залах, и возвращение актрисы в эту стихию победной виртуозной классики стало своего рода дебютом и прибило к славе «Дон-Кихота» еще одну пальмовую ветвь.

Популярность «Дон-Кихота» у актеров и зрителей, несмотря на все нарекания, которые он вызывает, вполне объяснима. В каком еще балете найдешь сейчас ту очаровательную непосредственность, которой пронизан «Дон-

Кихот»? Где встретишь этот фейерверк танцев — классических и полуклассических, цыганских и полуцыганских? В каком балете увидишь этот фейерверк блестящих па-де-де и вариаций? Где еще тебя постоянно будут ошеломлять сменяющие друг друга и соперничающие друг с другом в блеске выполненных движений вереницы танцовщиц и танцовщиков! Здесь властно царствует театральность. Тут у каждого участника есть свой эпизод, свое соло, где он может показать себя.

Майя Плисецкая вернулась к партии Китри после того, как она создала Джульетту и выступила в роли Фригии в «Спартаке». После попытки заявить о себе как о драматической и лирической актрисе балерина опять выступила в спектакле, который кажется созданным только и именно для нее. Для ее броской, своенравной манеры, для ее энергичного, эффектного танца, для ее стихийного темперамента.

В этот вечер Плисецкая показала полную меру своих возможностей. Она появилась в глубине сцены, встала в позу, победную, законченную — уже ошеломляющую, пронеслась в головокружительной вариации. Казалось, что большого напора энергии зрительный зал уже не выдержит,

его просто не может быть. А оркестр все ускорял темп, и Китри пролетала на сцене, исполняя вариацию с кастаньетами, где уже было невозможно уследить за ее движениями. Потом Плисецкая сменила испанский костюм на ярко-красную пачку, и полился поток поющих чеканных линий, звонких, акцентированных остановок. Это был гимн танцу. Китри кокетничала с партнером, притворно плакала на глазах у отца, пугалась прихода родителей. Но самое главное — Китри — Плисецкая очаровывала. Всех подряд — Базилу, Гамаша, Дон-Кихота, зрителей. Очаровывала танцем и показывала, как она может это делать.

Мы помним в партии Базилу известного Юрия Кондратова, исполнение которого покорило каким-то особым «прямодушием» и демократизмом. Базиль В. Тихонова утонченнее, изысканнее, а где-то, быть может, и сдержаннее, что, впрочем, ничуть не ослабляет напряженного тонуса и захватывающей темпераментности всего спектакля.

Базиль, элегантный, суховатый, подыгрывал партнерше, добросовестно выполнял функции кавалера, а когда появлялась возможность, вырывался из-под этой всеподчиняющей энергии и тоже очаровывал филигранной отделкой движений, изысканством, вкусом. А вокруг героев в этом калейдоскопе танца демонстри-

ровала безупречный стиль илюминистки Р. Карельская (повелительница дриад), томила и взрывала зал неповторимая Я. Сангович (Цыганка), чаровала загадочностью М. Вебезичи (Мерседес), оторчал некоторой суетливостью Я. Сех (Тореадор) и приводила в недоумение М. Колпакчи (уличная танцовщица). В ней единственной не было этого упоения танцем, того огонька, который зажжет весь спектакль. В ее партии тот же темп, та же эффективность, что и у остальных. А на сцене стало скучно. Тут-то и выяснилось, что обаяние «Дон-Кихота» не в гениальности танцев (они лишь повод для того, чтобы раскрыть это обаяние). Прелесть этого балета — в возможности оживить его силой собственной индивидуальности исполнителя.

Плисецкая раскрыла себя в «Дон-Кихоте» до конца. Она танцовщица достаточно индивидуальная и эффектная для того, чтобы довериться своему таланту и не пытаться привлечь зрителей то слишком обаятельной улыбкой, то чересчур броским жестом. И эффективность, и броскость, и обаяние есть в ней самой. А эта «намеренность» принесла в партию Китри некоторое превышение меры, что ни к чему ни самой балерине, ни спектаклю.

«Дон-Кихот» в Большом театре стал праздничным парадом мастерства.

Н. ЧЕРНОВА.